

«ВАРВАРЫ»

Недавно состоялась премьера «Варваров» в Большом драматическом театре имени М. Горького. Новая встреча с Горьким была особенно ответственной. Ведь его имя служило верным ориентиром на всем неровном пути этого театра, и каждая прежняя постановка горьковских пьес была этапной для творческого роста коллектива.

Спектакль не обманул ожиданий зрителей. Режиссура — постановщик Г. Товстоногов, режиссер Р. Сирота — сумела воплотить «дух», а не «букву» горьковской пьесы.

Все в спектакле подчинено донесению основной идеи Горького, раскрытию темы разложения старой докатолической России и того гибельного начала, которое несет в себе буржуазная цивилизация. Но тема эта решается не путем создания отвлеченных символов, а путем полнокровного воплощения горьковских характеров, обусловленных определенной социальной средой.

Ощущение мизерности и скудости этой среды создает уже оформление спектакля (художник В. Степанов). На первый взгляд, оно даже чем-то противоречит красочному описанию Горьким маленького уездного города. Порой даже кажется, что художник будто намеренно «обокрал» себя. Но подобное самоограничение не случайно. Оно вытекает из общего режиссерского замысла, оно создает атмосферу обветшалого патриархального быта российской глухомани.

Характерной особенностью драматургии Горького является то, что все его многочисленные, даже, казалось бы, второстепенные герои несут важную сюжетную нагрузку. Следует отметить, что и в спектакле Большого драматического театра режиссура удалось психологически точно и социально остро решить не только главные, но и самые маленькие роли пьесы. Здесь нет актерских неудач.

Вот они — эти нецивилизованные «дикари», эти живые экспонаты купеческой Руси. Огромная, бессмысленная и поэтому жалкая глыба — городской голова Редозубов, не знающий удержу в своем тупом самодурстве, колоритный образ которого создает В. Полищико. Сын Редозубова Гриша — В. Кузнецов, здоровый и тодстый детина, — добродушное, но страшное в своей животной ограниченности существо. Круглый, как шар, с вытаращенными масляными глазами, пошляк и вор купец Притыкин — М. Иванов и его жалкая, крикливо и безвкусно одетая старая жена — Л. Волинская. Тут же чистенький, благообразный мещанин, доносчик и ретроград Головастики — Б. Рыжухин и вечно ноющий, неврастеничный, опустившийся интеллигент доктор Макаров — Н. Корн; маленький, словно расплывшийся, до глупости самодовольный исправник — В. Максимов; акцизный надзиратель Монахов — ничтожный и мелкий человечек, подбострастный и злой слизняк, которого великолепно играет Е. Лебедев. И рядом с ними — представительница отживающего дворянства, умная, но бессильная в своей классовой обреченности старуха Богаевская в превосходном исполнении О. Казико.

Трагикомическую, во многом новую трактовку получили в спектакле образы инженеров, претендующих на оживление, на преобразование этой мертвой пустыни. Раскрытие их подлинной сущности, их цивилизованного варварства, несущего с собой гибель и моральное разложение, дается режиссурой исподволь, ненавязчиво. Они не злодеи, не подлые, не негодяи. Они возвращены средой, где отсутствуют идеалы, где нет места естественным человеческим чувствам.

Усталым, разочарованным скептиком с большим мастерством и тонкостью рисует инженера Цыганова В. Стрельчик.

Оригинальную трактовку получил в спектакле образ другого цивилизованного варвара — Черкуна в

НОВЫЙ СПЕКТАКЛЬ БОЛЬШОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО

исполнении дебютирующего в Ленинграде актера П. Луспекаева. И здесь хочется отметить плодотворную линию, которую проводит театр, выдвигая на ответственные роли молодых исполнителей.

Черкун — Луспекаев лишен и интеллигентской истеричности, и прямолинейного самолюбования, и идеального ореола, которыми награждали его в разное время прежние исполнители этой роли. Он умнее людей, с которыми сталкивает его судьба, жизнедеятельнее их, решительнее, красивее внешне... Но и только. И здесь хочется не согласиться с той характеристикой Черкуна — Луспекаева, которая дается во вчерашнем номере «Вечернего Ленинграда». Не высокие помыслы, а равнодушие к людям, к их переживаниям заставляет его быть грубо откровенным с ними. Это с самого начала ясно ощущается и в его отношениях с сентиментальной, безвольной женой, которую он, не скрывая, презирает (роль ее с умной пронырой играет впервые выступающая на сцене Большого драматического театра И. Кондратьева). Это заметно и в том пристальном интересе, с которым он относится к гордой, высокомерной, но обделенной человеческим счастьем Лидии Богаевской (сложный, насыщенный психологическим подтекстом образ ее создает Н. Ольхина).

Известная приземленность в спектакле образа Черкуна, несомненно, правомерна. Он подчеркивает трагическую обыденность происходящих на сцене событий. К сожалению, эта приземленность раскрывается в спектакле сразу, с первого выхода Черкуна на сцену. Поэтому исчезает его мнимая значительность. В первом действии актеру не хватает броских, контрастных красок, и это в какой-то мере обедняет, делает не до конца действенной избранную театром новаторскую трактовку образа.

Исполнение молодой, также дебютирующей на сцене данного театра Т. Дорониной роли Монаховой поражает своей неожиданностью. Поручение ей этой роли поначалу кажется неправомерным, противоречащим существующему предстанию о Монаховой как о зрелой, трагически обреченной женщине, не соответствующим горьковскому описанию героини: большая красивая женщина, с огромными неподвижными глазами Надежда — Доронина не обладает ни зрелостью, ни трагической красотой, ни психологической сложностью. Она поражает другим: прелестью молодости, чистотой, трогательной неопороченностью. Она лишена всех условностей, всех предубеждений. В своей простодушной вере во все прочитанное, в своих наивных мечтах о прекрасной жизни настоящих «аристократов», такой непохожей на ее собственное прозябание, она часто бывает смешной. Но смеяться над нею можно только сочувственно. И такая трактовка роли Монаховой, при всей своей спорности, в конце концов убеждает.

Современность звучания спектакля определяется и той оптимистической нотой, которую вносит в него исполнительница роли порывающей со старым отцовским миром Кати Редозубовой — З. Шарко. Образ непокорной, умной, волевой и человеческой Кати — Шарко — одна из самых значительных удач спектакля.

Говоря о «Варварах» в Большом драматическом театре имени М. Горького, вероятно, в чем-то еще можно не согласиться с актерскими трактовками. Вероятно, кое в чем можно поспорить и с режиссурой. Непомерно затянутым кажется начало первого акта, излишне психологически усложнены отдельные диалоги.

И все же одно несомненно: пьеса Горького получила новое интересное решение. Успех спектакля определяют не отдельные выдающиеся актерские удачи (как нередко случалось прежде в постановках «Варваров»), не отдельные эффективные режиссерские находки. Успех спектакля прежде всего определяет слаженность всего ансамбля, подчиненность его общему замыслу постановщика, сумевшего по-своему, современно и ярко раскрыть идеи и образы горьковской пьесы.

К. КУЛИКОВА